

Июль в Чуаньчэне стоял жаркий, словно огонь, а треск цикад оглушал небо.

В Чуаньчэне был длинный переулок под названием Шилиу, насчитывавший несколько сотен лет истории. Это была древняя улица, сохранившаяся до наших дней, и знаменитый район богачей. Спереди её обрамляли современные здания, а сзади простирались зеленые горы и чистые воды. Предки, строившие дома и прокладывавшие дороги, явно знали толк в этом деле: вся улица была устроена так, чтобы зимой было тепло, а летом прохладно. В июле, когда солнце пылало как печь, только это место оставалось благоприятным для жизни, идеальным для здоровья и отдыха.

Семья Сун владела недвижимостью в переулке Шилиу — двумя соединенными усадьбами, занимавшими огромную территорию.

Усадьба Сун была тихой. В тени деревьев на лежанке полулежал человек, лицо которого было прикрыто шелковым платком. На нем была серая безрукавка из хлопка, обнажавшая гладкие руки, скрещенные за головой. Шорты были свободными, а его длинные, прямые и бледные ноги свисали с лежанки, слегка покачиваясь. Вскоре деревянные шлепанцы, висевшие на его ногах, слетели и отлетели в сторону.

Дядя Ли, перейдя из другого двора в южный, сначала поднял шланг, лежавший в траве, и аккуратно его уложил, а затем поправил слетевшие шлепанцы.

— Молодой господин, звонок от господина.

Человек, лежавший на лежанке, словно мертвый, мгновенно ожил, недовольно пробормотав:

— Наконец-то решил позвонить!

Он быстро побежал в дом, свернул за округлую арку и вдруг остановился, опершись на резную каменную ограду.

— Дядя Ли, я же просил вас не называть меня молодым господином, просто зовите меня по имени.

Дядя Ли, наблюдая, как его фигура исчезает во дворе, добродушно улыбнулся, но не изменил своего обращения. Хозяева могли не соблюдать формальностей, но для слуг было важно придерживаться правил. В конце концов, они зарабатывали на жизнь, и все должно было быть сделано должным образом.

В гостиной телефон продолжал звонить. Се Сицзэ с радостью на лице, немного успокоив дыхание, поднес трубку к уху и осторожно произнес:

— Алло?

Он намеренно старался казаться недовольным, независимо от того, видел ли это человек на другом конце провода. Его избалованная натура, привыкшая к заботе, не могла сдержаться, как только он услышал голос Сун Ле.

Голос мужчины на другом конце был низким и соблазнительным. Хотя его тон был мягким, он по-прежнему говорил слова, которые отвергали Се Сицзэ. Всего пара фраз, и он уже действительно расстроился.

Се Сицзэ торопливо спросил, а затем, словно выстреливая словами, начал жаловаться:

— Почему ты не можешь вернуться? Ты же обещал мне! Это уже третий день рождения подряд. Ты же большой начальник, неужели ты не можешь выделить несколько часов, чтобы вернуться? У меня день рождения только раз в году, и даже в этот день ты не хочешь провести его со мной? Или ты действительно меня ненавидишь и не хочешь видеть?

Он говорил быстро, почти умоляя, и к концу его голос дрожал, а глаза покраснели. К сожалению, как бы он ни старался вызвать жалость, мужчина на другом конце не мог этого увидеть. Сун Ле оставался непреклонным, сводя все к коротким шести словам: он занят, у него нет времени.

Се Сицзэ повесил трубку и тихо выругался:

— Старый гад.

Эти слова долетели до ушей дяди Ли.

Дядя Ли опустил голову, явно чувствуя неловкость от такого обращения, но у него не было права осуждать.

Се Сицзэ молча усмехнулся. Раньше, чтобы угодить Сун Ле, он называл его и «братом Ле», и «дядюшкой Ле», и даже «папой». Но как бы он ни старался, это не помогало. В итоге он просто перестал называть его как-то особо, а в моменты злости позволял себе лишь выругаться: «старый гад».

Уже третий год подряд Сун Ле избегал его в день рождения. И не только в этот день. С тех пор как в свой восемнадцатый день рождения Се Сицзэ признался ему в своих чувствах, Сун Ле, хоть и продолжал заботиться о нем, стал избегать его, словно боясь.

Се Сицзэ было восемь лет, когда Сун Ле забрал его к себе. Двенадцать лет он дарил ему бесконечную любовь и заботу, но единственное, чего Се Сицзэ так сильно хотел, — его сердца, — Сун Ле упорно скрывал и не отдавал.

Се Сицзэ, обессиленный, вернулся в южный двор. Дядя Ли возился в саду с цветами, которые он вчера пересадил.

— Дядя Ли, пожалуйста, отмените торт, который я заказал пару дней назад.

Дядя Ли заколебался.

— Но день рождения...

Се Сицзэ печально посмотрел на него.

— Не стоит. Если никто не придет, то и праздновать нечего.

На солнце его кожа казалась еще блее, но это была нездоровая бледность. Его руки и ноги были худыми, а слегка длинные волосы мягко обрамляли виски. Глаза казались еще больше, черные и блестящие, а губы были сухими, с легким болезненным оттенком.

Он постоял на солнце две минуты, и на лбу сразу выступил пот. Щеки, на которых недавно появилась легкая полнота, снова похудели после двух бессонных ночей, проведенных в ожидании дня рождения. Его лицо было то красным, то бледным, и в целом выглядело не очень здоровым.

Дядя Ли с беспокойством открыл зонтик и встал рядом, чтобы прикрыть его от солнца.

— Молодой господин, зачем так расстраиваться из-за этого? День рождения все равно стоит отметить. Я отменю торт, но если господин не вернется, мы не будем его есть. Завтра я приготовлю вам вкусную длинную лапшу для долголетия, хорошо?

Дядя Ли прожил в усадьбе Сун четыре года и прекрасно изучил характер Се Сицзэ.

Се Сицзэ не хотел отвергать добрые намерения дяди Ли. Уважение к старшим и забота о младших — это традиционная добродетель. Он согласился съесть лапшу для долголетия, но больше не чувствовал желания вернуться в тень деревьев. Вместо этого он поднялся наверх, прошел мимо спальни Сун Ле и, словно подчиняясь какому-то внутреннему порыву, приоткрыл дверь и вошел.

Сун Ле не появлялся в усадьбе уже две недели. Он был занят работой, и даже когда возвращался в Чуаньчэн, останавливался в городской квартире. Дорога из центра города в переулок Шилиу, особенно в час пик, занимала не меньше двух часов.

Иногда Се Сицзэ приходил к нему, но в офисе говорили, что он на переговорах и не может его принять. У Сун Ле всегда находились причины избегать его, и Се Сицзэ уже смирился с этим. Ведь, кроме этого, Сун Ле был самым добрым и заботливым человеком в его жизни.

На кровати еще сохранился запах Сун Ле. Се Сицзэ, словно наркоман, натянул одеяло на лицо и глубоко вдохнул. Подушка, на которой он лежал, и одеяло, которым он укрывался, — все это было пропитано его запахом. Се Сицзэ начал представлять себе романтическую сцену между ним и Сун Ле. Мысли текли, и вскоре в его шортах появилась явная выпуклость. Он повернулся на бок, согнул ноги и медленно просунул руку под шорты. Его лицо, прижатое к подушке, покрылось легкой испариной, а щеки стали неестественно розовыми.

Через некоторое время он издал сдержанный стон, и в комнате распространился характерный запах. Его тонкая белая рука потянулась к прикроватной тумбочке, достала несколько салфеток и быстро привел себя в порядок.

После этого Се Сицзэ лежал, глядя в потолок, полностью опустошенный. Это было не в первый раз, когда он делал это в кровати Сун Ле. Вначале он чувствовал вину, но со временем это стало для него естественным. Сун Ле редко появлялся здесь, и это только подогревало его желание.

Он аккуратно сложил одеяло, привел комнату в порядок и спустился вниз. Дядя Ли как раз звонил Сун Ле, чтобы сообщить о его последних делах.

— Да, господин, молодой господин в последнее время похудел.

— Молодой господин два дня плохо спал.

— Хорошо, торт уже заказан.

Ближе к концу разговора дядя Ли взглянул на Се Сицзэ, стоявшего на лестнице, и, поддавшись внутреннему порыву, добавил то, что, возможно, не следовало говорить.

— Господин, молодой господин очень скучает по вам. Если сможете, пожалуйста, найдите время, чтобы навестить его.

Разговор закончился, и Се Сицзэ, сделав глоток арбузного сока, с надеждой спросил:

— Ну как? Что сказал Сун Ле? Он вернется завтра?

Сун Ле не пообещал вернуться завтра. Дядя Ли добродушно улыбнулся и сказал белую ложь:

— Господин постарается найти время.

Се Сицзэ сразу понял, что его обманывают, и его настроение упало.

— Дядя Ли, не нужно меня утешать.

Се Сицзэ был не очень здоров, и в этом году он взял академический отпуск, чтобы восстановить силы. В последнее время его состояние улучшилось, и дядя Ли, беспокоясь о нем, предложил:

— Молодой господин, может быть, позовете друзей?

Молодежь всегда более активна, и у них больше общих тем. Возможно, время, проведенное вместе, поднимет ему настроение.

Се Сицзэ ответил:

— Посмотрим.

И вернулся в свою комнату, размышляя, кому можно позвонить.

Мама Се Сицзэ была молодой, на год старше его отца, Се Яня. Она закончила только среднюю школу и рано начала самостоятельную жизнь. Когда она встретила Се Яня, ей было всего восемнадцать.

В восемнадцать лет Се Янь просчитался с контрацепцией, и все вышло случайно. Он не захотел избавляться от ребенка, и в девятнадцать лет стал отцом. Се Сицзэ родился, и Се Янь, учась в университете, одновременно стал новоиспеченным папой.

Когда Се Сицзэ было два года, его мама ушла. В то время он был слишком мал, и воспоминания о ней постепенно стерлись. Остался только его отец, Се Янь.

Се Янь, как отец и как мать, с трудом вырастил его до восьми лет. Осенью, когда ему было восемь, его отец погиб в автокатастрофе, оставив его одного.

<http://bllate.org/book/16434/1489603>